

Идеал Фридриха Гундольфа и его миф о Стефане Георге. Размышления над книгой

Часть 1

И. И. Докучаев^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Докучаев, И. И. (2019) Идеал Фридриха Гундольфа и его миф о Стефане Георге. Размышления над книгой. Часть 1. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 1, № 1, с. 56–66.

Получена 12 апреля 2019; принята 12 апреля 2019.

Права: © Автор (2019).

Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье анализируется ключевая книга немецкого филолога и культуролога Фридриха Гундольфа, посвященная творчеству выдающегося немецкого поэта начала XX в. — Стефана Георге. Показано, что в ходе анализа поэтического наследия Георге Гундольф создает не столько концепцию творческого пути поэта, сколько миф об идеальном поэте. Сущность поэзии, по Гундольфу, заключается в ее способности преобразжать язык эпохи, и, в конечном итоге, саму эпоху. Это возможно благодаря тому, что поэзия оказывается способом создания символов, выражающих центральные духовные проблемы нации, переживающей свою историю в то или иное время. Гундольф пытался показать, что творчество Георге оказалось переломным моментом во всей истории Германии, и даже Европы, представляющей собой к концу XIX в. результат кризиса, выразившегося в утрате народом своей причастности к вечной основе своего бытия — творческому стремлению к самораскрытию присущего народу идеала. Георге, по мнению Гундольфа, является примером чудесного преобразования собственного и народного бытия, поэтом, обладающим даром воссоздания в своей творческой жизни всего пути народного духа, пути возвращения его к своему идеалу. Гундольф показывает весь этот путь, вехами которого оказываются ключевые поэтические сборники Георге. Реальный творческий путь Георге оказался несколько сложнее, чем его представляет Гундольф. Влияние Георге, казавшееся чрезвычайно значительным в начале XX в., к середине столетия практически полностью сошло на нет, даже в Германии. Аристократические мифы о народных идеалах были восприняты как существенный компонент национал-социалистической идеологии и эстетики. В статье показано, что этот противоречивый и сложный характер истории поэтического влияния Георге и его круга Гундольф не увидел и не объяснил. Однако идеал Гундольфа не может не вызывать уважения, поскольку он обладает такими чертами, как универсализм и величие задачи по преобразению европейского духа, чертами, которыми почти не обладали аналогичные проекты филологического и даже философского масштаба.

Ключевые слова: Фридрих Гундольф, Стефан Георге, герменевтика, немецкая поэзия XX в., идеал, миф, европейская культура.

The ideal of Friedrich Gundolf and his myth of Stefan George. Reflections on a book

Part 1

Ilya I. Dokuchaev^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Abstract. The article analyses the masterbook of the German philologist and culturologist Friedrich Gundolf, devoted to the work of a great German poet of the early 20th century, Stefan George. The author argues that, while analysing the poetic heritage of George, Gundolf creates not merely the concept of the poet's creative biography, but rather the myth of the ideal poet. The essence of poetry, according to Gundolf, lies in its ability to transform the language of the era, and, ultimately, the era itself. This is possible due to the fact that poetry is a means of creating symbols that express the major spiritual challenges a nation experiences at a certain point in its history. Gundolf tried to show that the works by Stefan George were a pivotal point in the whole history of Germany, and even the whole of Europe which at the end of the 19th century experienced a crisis resulting in the nations' losing their connection to and involvement with the eternal foundation of their existence — the creative strife to define the inherent national ideals. George, according to Gundolf, is an example of a miraculous transformation of one's own and a nation's life, a poet who had the gift of recreating the entire evolution of the national spirit, the way of returning to the ideal in his creative work. Gundolf describes this progress, offering the key collections of George's poetic work as its milestones. George's real creative career happened to be somewhat more complicated than Gundolf's representation suggested. The influence George had, which seemed extremely significant at the beginning of the 20th century, had almost completely disappeared by the middle of the century, even in Germany. The aristocratic myths about popular ideals were perceived as an essential component of national socialist ideology and aesthetics. The author attempts to explain the controversial and complex nature of the poetic influence George and his circle extended and the reasons why Gundolf did not observe or explain it. However, the ideal presented by Gundolf cannot fail to evoke respect, since it possesses such traits as universalism and the enormous task of transforming the European spirit, the traits that almost no other similar projects of philological and even philosophical scale exhibited.

Keywords: Friedrich Gundolf, Stefan George, hermeneutics, German poetry of the 20th century, ideal, myth, European culture.

For citation: Dokuchaev, I. I. (2019) The ideal of Friedrich Gundolf and his myth of Stefan George. Reflections on a book. Part 1. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 56–66.

Received 12 April 2019; accepted 12 April 2019.

Copyright: © The Author (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Гундольфу

*Зачем у знатоков и в сагах ищешь, радуясь находкам,
Когда в тебе самом слова, где точный смысл сохранней:
Ты для меня, я для тебя был всем в пути коротком!
Не здесь ли свет и суть, что выше всех стараний?*

Стефан Георге. Седьмое кольцо

1

Книга Фридриха Гундольфа о Стефане Георге, на первый взгляд, — всего лишь литературоведческий труд, который интересен только любителям поэзии, исследователям немецкого языка и немецкой литературы, преподавателям и студентам, однако эта книга — гораздо больше, чем литературоведение. В истории публи-

каций о поэтах и художниках иногда попадают работы, которые становятся событиями культуры, философскими откровениями о ней. Так, книги Жана Поля Сартра о Жане Жене, Мартина Хайдеггера о Фридрихе Гельдерлине, Романо Гвардини о Данте, Ганса Георга Гадамера о Пауле Целане, книги русских философов Дмитрия Мережковского, Николая Бердяева, Михаила Бахтина о Федоре Достоевском — все

это не просто искусствоведческие работы о писателях, но философские обобщения, концептуализации отдельного творческого результата, на основании которых можно сделать выводы и построить картины мира целой культуры и даже вписать историю этой культуры в историю культуры человечества, понять смысл культуры и бытия. Творчество каждого из указанных только что художников вполне можно рассматривать не только как завершение или реализацию той или иной художественной традиции, но как выражение ключевых смыслов эпохи, моделей становления этой эпохи, способов ее измерения. Можно даже показать, что за конкретным гением стоит один из возможных типов человека и культуры, завершение какой-то важнейшей линии развития, переход к новому или залог этого перехода. Как правило, такие книги создаются философами, склонными к конкретным исследованиям, но иногда их создают писатели, искусствоведы, лингвисты, социологи.

Именно такова книга Фридриха Гундольфа, и именно таков ее главный герой — Стефан Георге. Это совершенно не литературоведческий труд. И дело не только в том, что Гундольф использует особый метод исследования — герменевтику. Филологическая герменевтика включает два типа исследовательского инструментария. С одной стороны, — классический анализ языка произведений, сбор фактов о жизни автора, сравнительно-исторический анализ содержания конкретного произведения и конкретной биографии на фоне характерных свойств жанра, направления, стилевого своеобразия эпохи. С другой стороны, — это вчувствование исследователя в текст и жизнь автора, понимание авторского замысла и судьбы, обобщение двух миров (писателя и ученого), обогащение или — в случае исследовательской неудачи, — наоборот, обеднение текстов и событий. Этот второй тип толкования позволяет не просто изучать литературу, но буквально оживлять ее, насыщать схему замысла и фактическую канву реальной психической энергией. По этому пути предлагали идти авторы герменевтики Фридрих Шлейермахер и Вильгельм Дильтей, осознавая недостаточность рационалистических структурных анализов и обобщений. Кризис рационализма и сциентизма на рубеже девятнадцатого и двадцатого века сделал герменевтику особой культурной практикой, находящейся по своему статусу между наукой и искусством, и поэтому очень близкой философии. Однако можно пойти дальше, чем эта обычная герменевтическая

схема, можно попытаться не просто обобщить миры исследователя и автора, но обнаружить в каждом из этих миров проекцию всемирной истории, постольку, поскольку каждый является ее частью и носителем ее целого.

Анализируемая книга Гундольфа именно такова, она содержит не исследование творческого пути Георге и его места в истории немецкой поэзии, а конкурирующее с этим творчеством пересоздание этой поэзии, миф о поэте Георге, его истоках, содержании и значении для немецкой нации и европейского человечества. Гундольф не изучает в этой книге Георге, а воссоздает его, и не только его, но и саму немецкую литературу, немецкий дух, культуру и европейский мир. В этой книге невозможно найти сухое концептуальное разложение поэтического текста или смелые систематизации, в ней нет даже обычного анализа конкретных текстов. Даже цитаты здесь редки, и они не столько являются предметом разбора, сколько поводом для самостоятельного творческого поиска, для движения гундольфовского текста дальше, к достижению его собственной цели. Язык Гундольфа — это язык не научного исследования, а поэтического вдохновения. (А Гундольф, как известно, действительно писал стихи.) Это не значит, что он не обладает точностью и не включает в себя те или иные научные понятия, это означает, что художественная выразительность, метафора — основные средства автора, а интуитивно постигаемая целостность переживания того или иного сюжета и единство настроения — основные пути движения текста.

Как и всякое содержание поэтического произведения, содержание работы Гундольфа не поддается пересказу, для точной работы такого рода потребовалось бы просто воспроизвести исходный материал. Однако можно пойти по другому пути: попытаться наметить символическую структуру гундольфовского мифа о Георге, указать наиболее важные смысловые фокусы, придающие единство всему тексту, а затем двигаться вслед за автором, упрощая его стиль и облегчая читателю путь знакомства с ним. Это неизбежно приведет к невосполнимым потерям. Но зато позволит действительно ввести читателя в курс дела, а затем он уже сам решит, насколько это введение необходимо ему в дальнейшем, насколько оно соответствует духу и букве того символического пространства, которое собирается открыть. Для начала поставим вопрос. А можно ли в тексте Гундольфа вообще обойтись без упоминания Георге и других великих имен, Гете, Гельдерлина, Ницше? Это вопрос не праздный. Когда Гундольф

характеризует этих авторов, он никогда не доказывает своих тезисов, да и тезисы эти такого рода, что их невозможно доказать. Слишком велик объем верификации. Можно только согласиться с ними или нет, в зависимости от того, насколько они соответствуют нашему опыту. Так всегда бывает с философскими суждениями, они не могут быть опровергнуты, но их можно принять, если они переживаются как собственные.

Я бы ответил на поставленный вопрос отрицательно, хотя и долго колебался бы с ответом. Дело в том, что материал, на который указывает Гундольф, хотя и воссоздается им, но не изобретается с нуля. Он нужен ему для конструирования собственного идеала, не имеет самостоятельной ценности, но он задает канву собственного воссоздания. Миф становится исходным пунктом в поисках идеала. Гундольф не скрывает черты этого идеала. Самое интересное при этом то, что он начисто отрицает романтизм как способ мирозерцания, но ведь именно романтизму присуще конструирование идеалов. Романтизм Гундольфа иного рода. Традиционный романтизм всегда предполагал наличие двоемирия, конфликта между идеалом и реальностью, уход от реальности в иллюзию, в иное пространство (экзотическая версия), в иное время (историческая версия), в иное измерение (фантастическая версия). Гундольф считает такого рода бегство от реальности — малодушием, и его идеал от реальности не отделен, но и реальность далека от идеала. Гундольф стремится доказать, что идеал может быть реализован в реальности как ее прообраз, как ее совершенное состояние в жизни и творчестве конкретного поэта, конкретной группы подвижников, причастных гениальной судьбе. Миф о Георге, таким образом, становится творческим актом реализации идеала, его воплощением. Гундольф написал много книг о ключевых фигурах истории литературы — Шекспире, Гете, Гельдерлине, — и везде речь шла не столько о фактах, сколько о значении этих фактов для формирования идеалов и духа европейской и немецкой культуры. Строилась духовная история, логика внутреннего единства культуры, раскрывалась творческая суть каждого из анализируемых Гундольфом фокусов становления современной Германии и Европы. Наконец, в книге о Георге Гундольф подвел своеобразный итог этого становления. И этот итог — картина современности — всякому философу и историку было бы сделать намного сложнее, чем писать о прошлом. Настоящее всегда сложнее изучать, потому что оно еще не выкристаллизовалось, не завершилось.

Но именно настоящее было для Гундольфа целью всей предпринятой ранее работы. И он создал портрет настоящего именно таким, каким подсказывала ему это создание открытая в прошлом логика европейской и немецкой культуры. Иными словами, он создал не портрет настоящего, а его прообраз, то есть осуществленный в конкретном творческом пути гения и его сподвижников идеал и миф об этом идеале; миф, свидетелем которого был Гундольф.

Каково же содержание этого идеала? На этот вопрос можно дать ответ, только пройдя весь путь воссоздания мифа о Георге, что мы и попытаемся сделать вскоре. Но есть определенные лейтмотивы и вехи этого пути. Начнем с лейтмотивов. Наметим их сейчас. Первое — это уже отмеченное только что единство бытия. Никаких раздвоений быть не может, никаких потусторонних и посюсторонних откровений, никаких схем и иллюзий. Только сама жизнь, в ее предельной концентрации — насыщенном миге настоящего. Искусство оказывается инструментом очищения этой насыщенности, не остановки прекрасного мгновения, а актуализации его полноты, не сообщения ему вечности, а подчеркивания его преходящей природы. Георге никогда не ставит вопрос о том, какова роль искусства в бытии и могут ли играть в этом бытии роль, соизмеримую с ролью искусства, какие-то иные практики, например наука или философия. Но ответ очевиден — искусству отведена миссия выражения подлинного духа истории, по крайней мере в настоящее время, когда этот дух забывает себя в сиюминутной потребительской суете и избыточной энциклопедической мудрости. Второе — следствие первого, это телесно-духовная гармония, действующая всю полноту бытия настоящего, все содержание и всю глубину «теперь». Гармония понимается как теофания, явление божественного откровения в утверждаемом миропорядке.

Проявление этой насыщенной гармонии не достигается сразу. К нему ведет путь гения. Георге становится символом этого пути, его праформой. Судьба Георге как закон мироздания волей случая воссоздает неизбежный идеал. Путь начинается с вождения и преклонения перед ним в ранней поэзии, затем мечта становится опытом, этот опыт разворачивается в многообразии исторических и эйдетических миров. Сначала это поиск жизни по собственному закону в «Альгабалле», внутреннее испытание собственных возможностей, затем это выход во внешний мир, его мифологическое воссоздание. Это воссоздание включает три исторических варианта — Античность

(«Пастушеские и хвалебные стихотворения»), Средневековье («Сказания и песни») и Восток («Висячие сады»). Поэт воссоздает исторический путь человечества, восстанавливает подлинные смыслы культурных эпох, насыщает этими смыслами настоящее, очищает его полноту и обращает других в свою веру. Воссоздав историю, поэт обращается к вневременному миру — к природе в «Годе души», к духовной жизни человеческого «Я», сначала в общении с другим в «Прологе» к «Ковру жизни», затем к самой жизни духа в центральном цикле «Ковра жизни» и, наконец, к проблеме смерти в «Песнях грез и смерти». Мир природы становится миром смысла, и этот смысл обогащается диалогом «Я» и «Ты», пестротой жизни и прозрачностью грез, но находится под угрозой иллюзии и смерти. Наконец, в «Седьмом кольце» все это смысловое многообразие собирается в образе юного Божества, конкретного человека, являющего собой воплощенный идеал, живший всегда и всегда недостижимый, присутствующий теперь и навсегда потерянный, одухотворенный и телесный. Это образ возлюбленного, который создан поэтом, а точнее, воссоздан и восхищен у той полноты настоящего, которой оказались причастны поэт и его рано умерший возлюбленный Бог — Максимилиан. Миф завершается созданием «Звезды союза», в которой Бог устанавливает закон бытия и образует круг верующих, союз, способный разрастись до размеров всего человечества.

Однако, как это ни печально, ни Фридрих Гундольф, ни Стефан Георге, по крайней мере сегодня, не стали вехами в истории мирового духа, такими, какими стали Данте, Шекспир, Гете или даже Ницше. Гундольф прочно забыт, а Георге ощущается как один из ряда поэтов первой половины прошлого века, но никак не вершина и не веха. По крайней мере, мировой фигурой, вехой в истории духовной культуры человечества он точно не стал. Обаяние личности Гундольфа иссякло вместе со смертью профессора, а круг Георге перестал распространяться вместе со смертью поэта. Колоссальная популярность и того, и другого исчезли почти сразу, они не пережили и десятилетия. Тоска Гундольфа по подлинному творчеству и духу, борьба за них и заклинание их в его книгах не увенчались успехом. Тот самый мир сиюминутной суеты и поиска прогресса, мир фальши и глупости восторжествовал над провозглашенным идеалом насыщенного духом бытия. Творчество Гундольфа и Георге так и осталось камерным. Но это не отменяет его результатов вовсе. Ведь оно было отчаянной попыткой верить

в то, что возможно иное развитие событий, причем оно возможно только благодаря гению, благодаря поэтическому дару, благодаря подлинному искусству. Эта отчаянная попытка вернуть мир к его духовным истокам и подлинному содержанию не может не вызывать восхищения и уважения. Сегодня мы вновь обращаемся к этим последним великим модернистским проектам еще и потому, что кризис, который победил их, не нашел пока разрешения, что он усугубляется и угрожает человечеству большой бедой и даже гибелью. Быть может, ответ находится именно в этом гундольфовском идеале, то есть не в поиске новых завоеваний и росте потребительского благополучия, а в осмыслении здесь и теперь осуществляемой полноты жизни, в самом бытии, а не в становлении. В ограничении, а не в росте. Как бы то ни было, перед нами великая книга, и она заслуживает перевода на русский язык и переиздания.

Теперь несколько слов о фактах и деталях. Ни одно введение в текст и ни один анализ его не могут обойтись без первого уровня герменевтической работы с представляемым текстом, то есть без фактов и биографий. Эта часть будет, однако, минимальной в настоящей статье, ибо ее задача — попытаться представить миф о Георге и поэтический идеал Гундольфа, содержащиеся в представляемой книге. Кроме того, информации о немецком культурологе и немецком поэте в последнее время стало достаточно. О Гундольфе написано много, ибо проект переиздания его сочинений, осуществляемый издательством «Владимир Даль», уже отчасти реализован. Были опубликованы книги Гундольфа о Парацельсе, Шекспире, немецких романтиках (Гундольф 2014; Гундольф 2015; Гундольф 2017). Основные сведения о жизни и творчестве Гундольфа, его литературоведческом методе можно найти в предисловиях к этим книгам и словарных статьях о нем. Стефан Георге также издавался в последнее время на русском языке. Речь идет о сборниках его стихов, и прежде всего о полном переводе трех ключевых книг Георге «Год души», «Ковер жизни» и «Седьмое кольцо», осуществленном Владимиром Летучим, и полном переводе поэмы «Альгабал», осуществленном Нестором Пилявским (Георге 2009; Георге 2014).

Фридрих Гундольф — немецкий филолог и культуролог конца девятнадцатого — начала двадцатого веков. Он родился в 1880 г. в еврейской семье Гундельфингеров, но затем изменил свою фамилию, поскольку ощущал себя и свое творчество частью немецкой нации и немецкой культуры. Он являлся большим специалистом

по немецкой литературе, изучал германистику в мюнхенском и берлинском университетах, был профессором в университете Гейдельберга. Среди учителей Гундольфа были Анри Бергсон и Вильгельм Дильтей. В 1903 г. защитил первую докторскую диссертацию «Цезарь в немецкой литературе», в 1911 г. габилитировался с работой «Шекспир и немецкий дух» (обе диссертации затем были опубликованы), получил должность профессора в 1916 г. и стал заведовать кафедрой в 1920-м. Основные работы: «Архипелаг Гельдерлина» (1911), «Гете» (1916), «Георге» (1920), «Поэты и герои» (1921), «Генрих Кляйст» (1922), «Мартин Опиц» (1923), «Хуттен, Клопшток, Арндт. Три беседы» (1924), «Парацельс» (1927), «Немецкие романтики» (1930–1931), «Начало немецкой историографии от Чуди до Винкельмана» (1938, посмертно). Гундольф известен как поэт и переводчик Шекспира. Входил в круг Стефана Георге с 1899 по 1923 г. В 1923 г. женился на Элизабет Саломон, что и привело к разрыву с Георге. В числе учеников Гундольфа были Клаус Штауффенберг (организатор покушения на Гитлера) и Йозеф Геббельс (министр просвещения и пропаганды в правительстве Гитлера). В 1927 г. Гундольф заболевает раком и в 1931 г. умирает в возрасте 51 года.

Стефан Георге — великий немецкий поэт начала двадцатого века, родился 12 июля 1868 г. в состоятельной семье. Много путешествовал по Германии и Европе. Известен как переводчик Данте, Шекспира и Бодлера. Основные сборники стихов: «Гимны» (1890), «Паломничества» (1891), «Альгабал» (1892), «Книги пастушьих и хвалебных стихотворений» (1895), «Год души» (1897), «Ковёр жизни и Песни грез и смерти» (1899), «Седьмое кольцо» (1907), «Звезда союза» (1914), «Новое Царство» (1928). Создал знаменитый кружок единомышленников «Тайная Германия», в который входили известные художники, поэты и ученые. Это прежде всего Фридрих Гундольф, Людвиг Клагес, Карл Вольфскель, Альфред Шулер, Макс Коммерель. Об этом сообществе, представлявшем собой синтез средневекового ордена и клуба любителей изящных искусств, написана обширная литература, среди которой выделяется замечательная книга Роберта Нортон «Тайная Германия. Стефан Георге и его круг» (Нортон 2016). В национал-социалистической Германии Георге предложили войти в состав немецкой литературной академии. От сотрудничества с нацистами Георге отказался, не принял он участия и в официальных мероприятиях по случаю своего шестидесятилетия. 4 декабря 1933 г. он умер в Швейцарии, и там же был похоронен.

Обзор этой фактологии мало что говорит об ученом и поэте, хотя одно обстоятельство обращает на себя внимание. Интересно, что поиск подлинно немецкой культуры, творение мифов и идеалов истинной духовной жизни и поэтической культуры совпадают по времени и пересекаются с формированием и приходом к власти в Германии национал-социалистического движения, представители которого оказываются учениками Гундольфа и поклонниками Георге. Можно с уверенностью спрогнозировать, как бы пришелся ко двору нацистов еврей Гундольф, и хорошо известно прохладное отношение к любой власти и к конъюнктуре, высказываемое Георге. Однако вопрос о том, насколько возможна в современных условиях аристократическая мифология духа, не превращается ли она в ходе ее исторического воплощения в обычный пошлый национализм и массовую деградацию, доходящую до дикости — остается открытым. Конечно, никакой вины в этом, которая лежала бы на поэтах и мечтателях, нет, но есть что-то вроде страшной логики возмездия за стремление отказать от пошлости во имя величия. Пошлость мстит за этот отказ тем, что сами идеалы и мифы, направленные против нее, в конце концов осваиваются ею и превращаются в жуткие пародии на свой первоисточник. Пошлость возьмет свое даже тогда, когда отцы-основатели освоенного ею протеста в ужасе откажутся от своего детища. Трагедия подобного рода культуртрегерства не может заставить отказаться от поисков идеала, но может превратить его в пустую романтику или в политический активизм. История Германии двадцатого века не стала воплощением идеалов Георге и Гундольфа, но она показала, что поиск идеала — это рискованное и трагическое занятие. Очень удачным выглядит в этой связи высказывание Вальтера Беньямина о Стефане Георге и его политической роли в Германии: «Если Бог хочет наказать пророка, то исполняет его пророчество».

2

Метод книги Гундольфа о Стефане Георге, как уже отмечалось выше, — герменевтика. И прежде чем проанализировать основное содержание его поэтического идеала и мифа о немецком символизме, ответим на ключевые вопросы герменевтики — вопросы о том, можно ли и насколько эффективно с помощью сегодняшних понятий измерять содержание высказываний и концепций, сформулированных в прошлом; и где находится граница и гарантия

корректного истолкования, которое не искажает исходный замысел, но воссоздает его как можно ближе и точнее. Эти вопросы, на мой взгляд, являются ключевыми в дискуссии о сущности герменевтики и ее роли в гуманитарном познании, вне зависимости от того, говорим ли мы о русской или зарубежной традиции исследований артефактов истории, культуры, общества, человека и языка.

Герменевтика является неотъемлемой частью любого исследования, направленного на результаты деятельности человека, поскольку человек является носителем уникального мира — собственного сознания, смыслы которого он вкладывает в артефакты культуры, которые создает. Всякий артефакт культуры, таким образом, оказывается текстом, выражающим некое содержание, требующее истолкования. Уникальное должно быть истолковано или как мое, понятное мне — исследователю или реципиенту, или как всеобщее. Это истолкование, как показала лингвистическая прагматика в XX в., например Питер Стросон, — неизбежное следствие любых интуитивных, или, как их определял Иммануил Кант, — синтетических высказываний. Аналитические высказывания, в конечном счете являющиеся результатом дедукции, также можно возвести к синтетическим. Интуиция может быть истолкована благодаря правилам ее выражения, одинаковым как для создателя текста, так и для его толкователя. Но это облегчение не отменяет несоответствие пресуппозиций, или картин мира автора и реципиента, в контексте которых толкуется «буквальный смысл» высказывания (пропозиции). Классическая герменевтика со времен Фридриха Шлейермахера и Вильгельма Дильтея включала исследование пропозиций, или грамматичности высказываний в качестве базисного уровня интерпретации, дающего возможность одинакового понимания друг друга участниками любого диалога, а относительно пресуппозиций предполагалась психологическая интерпретация, или своего рода эмпатия реципиента по отношению к автору (а в диалоге эти позиции еще и оказывались обратимыми). Особую сложность здесь можно заметить в отношении к таким высказываниям, как невербальные артефакты культуры, которые тоже оказываются выражением картин мира их создателей, нуждающихся в толковании. Коды их истолкования, как правило, крайне неопределенны.

В истории гуманитарных наук герменевтика разделила ученых на два лагеря. К первому — относятся те, кто считают ее искусством, а не наукой, не методом с четкими понятиями

и инструментами работы. Действительно, таких примеров много, иногда хороших (какими являются знаменитые работы Фридриха Гундольфа о немецкой литературе и культуре), иногда плохих. Противники герменевтики высказываются в пользу структурных и системологических исследований. Ко второму — относятся те, кто считает герменевтику единственно возможным методом исследования культуры, ибо полагают, что уникальному содержанию, являющемуся предметом ученого, должно соответствовать уникальное же понимание этого предмета. Наверное, имеет смысл говорить о том, что ни та, ни другая точка зрения не может быть реализована самостоятельно. Они неизбежно должны дополнять друг друга. Имеет смысл трактовать их как уровни анализа, сродные тем, о которых писали родоначальники герменевтики, то есть уровни грамматики и психологии. Грамматика задает границы интерпретации, не позволяет уйти в абсолютный произвол исследователя по отношению к своему предмету, а психология позволяет показать ценность и вместе с тем неокончателюность любой из возможных интерпретаций авторского замысла. Каждый исследователь принадлежит своей собственной эпохе, его мышление осуществляется в горизонте достигнутого на сегодняшний день уровня и стиля исследований и системы понятий. Невозможно просто взять и перепрыгнуть из сознания одной эпохи в сознание другой, мыслить так же, как Платон или Конфуций, живя в XXI в., поэтому приходится измерять их мысль новыми мерками. Но нельзя и исказить их мысль новой исследовательской матрицей. Остается третий путь — путь чередования грамматических и психологических толкований, путь герменевтических кругов, приближающих и отдаляющих исследователя и источник, путь рефлексии собственных исследовательских установок, в ходе которой устанавливается дистанция между горизонтами, или картинками мира участников диалога, осознается принципиальная невозможность ликвидации этой дистанции и принципиальная достижимость ее сокращения.

Гундольф был современником Георге, и его дистанция по отношению к предмету собственного исследования была минимальной, ему не приходилось осознавать ее и сокращать, скорее наоборот, он осознавал свою причастность и единство исследователя и объекта. Это совершенно особая герменевтическая ситуация. Наверное, она в некотором роде уникальна, но даже такая причастность не гарантирует адекватности исследования и его предмета, и Гундольф — отличный пример этого. Быть может,

он лучше всех понимал Георге, но вполне вероятно и то, что он переписал его на свой лад, создал собственного Георге. Так или иначе, наша задача остается прежней и полностью герменевтической — двигаясь за мыслью Гундольфа, не столько проникнуть в поэзию Георге, сколько воссоздать миф о поэте в той мере, в какой он сегодня доступен читателю, знающему то, что произошло за почти сто лет после смерти великого немецкого литературоведа и последнего великого немецкого поэта. Теперь попытаемся проследить за мыслью Гундольфа и отметить его наиболее проникновенные интуиции. Гундольф двигался путем, который мы назвали путем чистой герменевтики, мы предпримем попытку пройти третьим путем и обнаружить те моменты несовпадения концепции и реальности, которые невозможно было увидеть столетия назад.

Книга Фридриха Гундольфа о Стефане Георге появилась в 1920 г. Она состоит из двух частей, первая из которых представляет собой своеобразное введение в тему, экспозицию, предлагающую вниманию читателей ключевые теоретические подходы Гундольфа к изучению поэзии и культуры, рассказ о месте поэзии в истории народа, диалектическую историю европейской и немецкой литературы от Античности до двадцатого века с указанием важнейших вех этой истории, непосредственно предшествовавших поэзии Стефана Георге. Вторая часть — изложение творческого пути поэта, анализ важнейших поэтических сборников, ключевых стихотворений, содержащих открытие новых возможностей поэзии и новой судьбы немецкой культуры. Обе части книги объединяет идея того, что подлинный поэт — это выразитель духа времени, причем, поскольку речь идет о двадцатом веке, в котором правит сиюминутная мода и суетный прогресс, подлинная поэзия в такое время есть своего рода очищение духа времени, пророчество о том, что должно быть, а не о том, что есть. И именно Георге провозглашается тем поэтом и пророком, которому удалось стать выразителем и провозвестником духа времени, излечить это время и обнаружить путь, достойный подлинной Германии и подлинного человечества, которое не могло не сохранить свое величие и благородство даже под спудом вырождения и пошлости. Речь, как уже отмечалось выше, идет не о романтическом уходе в мир мечты, а о подлинном пересоздании реальности.

Такую возможность пересоздания Гундольф связывает с особым пониманием роли языка и поэзии в культуре и истории. Язык понима-

ется им как основа культуры, ее ядро и модель. Язык есть универсальный способ выражения бытия, любых его уровней. Он не просто выражает народную картину мира, но позволяет порождать народ и его культуру. Он представляет собой единство вечного смысла и его временного выражения в знаке. Смысл вне времени, но его нельзя трактовать как идеал, противостоящий реальности. Быть вне времени значит быть целиком здесь и теперь. Быть здесь и теперь целиком значит именно быть, а не длиться, быть, а не определять бытие. Смысл познается в бытии, а не в знаках и не в идеалах. Поэт всегда ищет смысл бытия, а не факт или идеал. В противном случае возникает натурализм и эпигонство. Романтики видели идеал всегда за пределами реального мира, натуралисты не видели ничего, кроме дрящегося фактического бытия. Именно в полноте мгновения, его насыщенности смыслом и живет подлинная поэзия, согласно Гундольфу, и именно такова поэзия Георге. Речь не идет о том, чтобы реальность подменить впечатлением, остановить мгновение, как это делали импрессионисты, чтобы субъективизировать реальность, и не о том, чтобы обнаружить какой-то исторически приемлемый модный смысл в самом фактическом становлении, как это делали реалисты. Речь идет о том, чтобы дух стал мгновением, смысл — образом, чтобы мгновение уплотнилось до вечности, а вечность стала осязаемой в мгновении. Только настоящий поэт обладает возможностью создать язык символов, соединяющих вечное и мгновенное, сплавающих их в единое, и потому поэт может творить мир и его Бога, может творить закон, по которому будут жить посвященные, ставшие народом, хранящим этот закон. Таков, по Гундольфу, был Стефан Георге для эпохи двадцатого века. Символизм как единство вечного и временного в языке Георге противостоит идеалу без факта романтиков, факту без идеала натуралистов, растворению идеала в фактическом импрессионистов и фактического в идеальном реалистов. И хотя Георге первым воссоздал язык смыслов в поэзии Европы двадцатого века, он не первый поэт-пророк и творец мира, у него были предшественники, позволяющие лучше понять значение утраты, расщепления реальности и смысла, и значение подвига обретения подлинного языка, сплавающего смысл и реальность. На деле, конечно, символизм оборачивался очень часто схематизацией, избыточной философичностью, в которой упрекает Гундольф вычурные философско-лирические тексты Ницше. Если обратиться к поэзии Георге, то у него подобного рода философской

лирики очень много, символы и речевые жесты настолько густо представлены, что через эту тесноту символического ряда сложно пробиться к смыслу, но избранным это удавалось, и именно к ним обращался Георге, к таким, как Гундольф или Коммерель.

Смысл бытия пронизывал общественную жизнь в последний раз в эпоху Барокко. Эпоха Барокко пришла на смену эпохе Возрождения, она, как правило, связывается с семнадцатым веком, иногда к нему добавляют конец шестнадцатого и восемнадцатый век. Это период последнего цветения средневековой культуры, во многом искусственная реставрация Средневековья средствами рационализированной культуры эпохи Возрождения, тотальная универсализация и регуляризация человеческой жизни, выполненная государственными идеологическими и бюрократическими системами. Однако переход от Средневековья к Новому времени еще не завершен, еще остается ощущение причастности к целому общественному бытию, и только в восемнадцатом веке, в эпоху Просвещения разум и личность разрушают синкретическую культуру прошлого, происходит окончательная и бесповоротная гибель традиционного мироустройства Европы. Этот момент Гундольф считает началом современности, против которой и выступил Георге. Задолго до него это сделали романтики, в своем поиске прошлого отторгнувшие новый мир, провозгласившие прошлое и умершее, то есть собственную грезу наяву, подлинной реальностью. Но Георге не живет умершим, он вполне современен, потому его жизнь осуществляется здесь и теперь, и даже больше того — всегда. Прошлое и будущее в жизни духа невозможно различить. Эту символическую поэзию факта нельзя назвать и торжеством голой фактичности натурализма, ибо факт для Георге ценен не сам по себе, а в своей смысловой полноте, в своей символической насыщенности.

Пытаясь прояснить специфику поэзии Георге, ее уникальность и величие, Гундольф отделяет символизм от экспрессионизма, который называет криком современности. Экспрессионизм — направление в искусстве, только заявившее о себе к началу двадцатых годов прошлого века, тогда как творческий путь Стефана Георге к этому времени был почти завершен, оставался только последний поэтический сборник, да и тот уже был создан в общих чертах задолго до того, как был опубликован в 1928 г. Гундольф объявляет экспрессионизм поэзией прогресса, а творчество Георге (которое, кстати сказать, никогда не классифицируется Гундольфом

и даже не называется символизмом, как это делается по отношению к Георге чаще всего и не без оснований) — поэзией вечного человека. Экспрессионизм претендовал на то же, на что и Георге, то есть на то, чтобы в самой переживаемой здесь и сейчас реальности выразить некий иной — вечный — смысл. Однако, по мнению Гундольфа, это удалось сделать только Георге, а не экспрессионистам. Георге — выразитель вечного человека, то есть человека, вобравшего в себя все богатство истории, жившего всегда и именно благодаря тому, что эта жизнь полностью ощутима в любое мгновение. Наверное, можно согласиться с тем, что поэзия экспрессионистов, и прежде всего Готфрида Бенна, — это поэзия трансформации мгновения, а не прояснения ее вечного содержания. Экспрессионизм — это шаг на пути к отрыву искусства от реальности, к торжеству формы над содержанием, следующим шагом будет сюрреализм, создавший собственную реальность. Этот путь — не путь романтиков, противопоставивших мир и идеал, это путь разрушения мира, путь извлечения из разрушенного мира новой реальности. Символизм Георге — гораздо более классическое искусство. По мнению Гундольфа, он сродни самой классике, он — полное восстановление ее здесь и сейчас. Античность не возрождается, а пробуждается Георге, который выступает ее носителем и современником. Георге, по Гундольфу, — античный гений современности. Ему присущи три качества вечного человека: чувство судьбы, своего достоинства и любовь. Вечность этих качеств позволяет ожить в поэзии Георге и античному, и средневековому миру, и Востоку, и природе, и Богам, и народу, и церкви.

Гундольф указывает на пять вечных героев, которые родились в постбарочное время: это Гёте, Гельдерлин, Наполеон, Ницше и Георге. Каждый из догеоргиевых героев лишен всей полноты вечного человека, воплотившейся только в Георге. Гёте — последний гармоничный человек, то есть он словно запоздалый путник, сбившийся с пути, но не в пространстве, а во времени, Гете перепутал эпоху, он родился уже после того, как великое время духа завершилось, но он тем не менее прожил свою жизнь; Гельдерлин — олицетворение трагедии человека, ощутившего себя вечным человеком, живущим в пустом и чужом времени; Наполеон — последняя попытка утвердить вечность во времени силой власти, попытка, обреченная на провал, ибо не дух устанавливается властью, но власть — духом; Ницше — проповедник вечности, для которого вечность обязательно

настанет, но она не ощутима здесь и теперь; и, наконец, Георге — утверждение вечного человека в реальном народе. Только Георге — единственный, чья жизнь не становление, а образ; то есть живая реальность мгновения, насыщенного вечностью. Гундольф определяет три составляющие этого образа: Рейн, Античность, церковь. Античность с ее волей к обожествлению тела и телесному воплощению Бога — это начало, источник вечности. Гундольф раскладывает этот источник на четыре силы: Эрос, Кайрос, красота и посвящение. Для Георге каждая из этих сил — лейтмотив всей его поэзии. Церковь — сердцевина вечности. Гундольф и ее рассматривает как комбинацию четырех сил, или лейтмотивов: это милосердие, вечность, святость и милость. Реформация и Ренессанс, по Гундольфу, — одухотворяющие силы Германии. А Георге — немецкий католик, своего рода синтез этих сил. Этот синтез выводит поэзию Георге и его пророческий дар за пределы Германии, а точнее, саму Германию за ее пределы, к завершению великой европейской традиции духа, и даже Данте и Шекспир оказываются тогда предшественниками немецкого католицизма. Наконец, завершение образа вечности — Рейн как вечный символ духа Германии. Различая публику и толпу с их чувственным вождением, недостижимой бесконечностью, глупой моралью, прогрессивным стремлением вперед, с одной стороны, и народ и народность, с другой, Гундольф определяет Георге как охранителя народности — состояния духовного единства природы, Бога и людей. Природа есть в поэзии Георге кормилица духа, противостоящая человеку и слитая с ним.

Непосредственная реальность, предшествовавшая Георге, была почти бесплодной, и даже наиболее гениальные провозвестники духа не смогли осуществить его во всей полноте. Среди этих гениев Гундольф называет Гёте, Гельдерлина и Жан-Поля — предшественников Георге, которых можно назвать даже учителями, если только гений может учиться у кого-нибудь. Скорее гений лишь демонстрирует свое родство

с другими гениями, а не учится. И, конечно, демонстрирует также свое отчуждение от того, что препятствует его миссии. Так, Романтизм и Протестантизм — чужды Георге, они выражают современный мир с его суетным становлением, скрывающим дух и вечность. Именно стихия языка для Георге есть адекватный способ преобразить и выразить подлинный космос. Язык оказывается таким знаком, который не чужд духу, но может заковать его и выразить, породив новый мир. Именно поэтому Георге отказывает прозе в праве на существование и объявляет поэзию единственно достойной формой языка. Он осуществляет эту миссию поэта и пророка и только в переводах позволяет себе быть выразителем чужого духа; чужого, но не чуждого, а родственного его духу, немецкому, родному и вечному, вселенскому.

В этой чудесной картине, которую еще более живыми красками набросал Гундольф в первой части своей книги о Георге, очень мало живых исторических фактов, то есть весь этот мир действительно создается в научной фантазии Гундольфа, творится как миф, соответствующий установленному заранее идеалу. Особенно жестокой и несправедливой ощущается критика современной Георге литературы и литературы его непосредственных предшественников, чей творческий метод никак не мог быть согласован с миссией Георге. Так, к числу поэзии вырождения относится Гейне, литература натуралистов, Гауптман. Однако ценность книги Гундольфа о Георге искупает эту несправедливость, ведь Гундольф не пишет ни о Гейне, ни о Гауптмане, ни даже о Гете или Георге. Он — в полном соответствии со своим идеалом поэта — воссоздает этот литературный мир и провозглашает там своего короля — Георге, низлагая всех неугодных королю самозванцев и их эпигонов. Еще меньше претензий можно предъявить Гундольфу, когда он переходит к непосредственному анализу творчества Стефана Георге во второй части своей книги.

Окончание в следующем номере.

Литература

- Георге, С. (2009) *Седьмое кольцо*. М.: Водолей, 384 с.
 Георге, С. (2014) *Альгабал*. М.: Ad Marginem, 144 с.
 Гундольф, Ф. (2014) *Парацельс*. СПб.: Владимир Даль, 191 с.
 Гундольф, Ф. (2015) *Шекспир и немецкий дух*. СПб.: Владимир Даль, 591 с.
 Гундольф, Ф. (2017) *Немецкие романтики. Тик, Иммерман, Дросте-Хюльсхофф, Мерики*. СПб.: Владимир Даль, 295 с.
 Нортон, Р. (2016) *Тайная Германия. Стефан Георге и его круг*. СПб.: Владимир Даль, 781 с.

References

- George, S. (2009) *Der siebente Ring*. Moscow: Vodolej Publ., 384 p. (In Russian)
- George, S. (2014) *Algabal*. Moscow: Ad Marginem Publ., 144 p. (In Russian)
- Gundolf, F. (2014) *Paracelsus*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 191 p. (In Russian)
- Gundolf, F. (2015) *Shakespeare und der deutsche Geist*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 591 p. (In Russian)
- Gundolf, F. (2017) *Die deutsche Romantiker. Ludwig Tieck, Karl Immermann, Annette von Droste-Hülshoff, Eduard Mörike*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 295 p. (In Russian)
- Norton, R. (2016) *Secret Germany: Stefan George and his circle*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 781 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Илья Игоревич Докучаев, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Ilya I. Dokuchaev, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Doctor of Sciences (Philosophy), Full Professor, Head of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia